

ся историей психолингвистики, см., например,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

(приводится по мере ее введения в текст статьи):

Paivio A. Mental Representations. A dual coding approach. Oxford (Mass.): Oxford University Press. 1986.

McShane J. Cognitive Development: An Information Processing Approach. Cambridge (Mass.): Blackwell. 1991.- 394 p.

Фрумкина Р.М. “Теории среднего уровня” в современной лингвистике // Вопросы языкознания. – 1996. - №2. - С. 55-67.

Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д.Кацнельсона. – СПб: Наука, 1998. - С.14-21.

Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. – 1996. - №2. - С. 19-42.

Правикова Л.В. Когнитивная и когнитивная лингвистика // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск. – 1999. - №2. - С. 37-44.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Ed. by T.Janssen and G.Redeker. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter. - 1999 – 270 p.

Langacker R. Assessing the cognitive linguistic enterprise. In: Cognitive Linguistics... (см. №8), p.p. 13-60.

Croft W. Some contributions of typology to cognitive linguistics and vice versa. In: Cognitive Linguistics... (см. №8), p.p. 61-94.

Fauconnier J. Methods and generalizations. In: Cognitive Linguistics (см. №8), p.p. 95-128.

мер, (Ress 1991: 10 и сл.).

Lakoff G. and Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y.: Perseus Books – 1999. – 624 p.

Peeters B. Does cognitive linguistics live up its name?// Abstracts of the 6th International Cognitive Linguistics Conference. 10-16 July 1999. Stockholm, p.p. 52-53.

Лазарев В.В. К теории обыденного/когнитивного познания (от Коперника к Птолемею) // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск.- 1999. - №2. - С. 25-34.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Ellis H.C., Hunt R.R. Fundamentals of cognitive psychology. Madison (Wisc.): Brown. 1993. – 449 p.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. 6th ed. Cambridge (Mass.): The MIT Press. 1993. – 283 p.

Ress J.J. On the developing history of psycholinguistics // Language Sciences. Vol. 13. - 1991. -№1. - p.p. 1-20.

Reed St.R. Cognition. Theory and Application. 4th ed. San Diego: Brooks. - 1996 – 479 p.

Anderson H.H.A. Functional Theory of Cognition. Mahwah (New Jersey): Erlbaum. 1996.

Thagard P. Mind. Introduction to Cognitive Science. Cambridge (Mass.): The MIT Press. 1996 – 217 p.

Schwarz M. Kognitivismus, cognitive Wissenschaft und Linguistik // Die Ordnung der Wörter. Kognitive und lexikalische Strukturen. Hrgs. von G.Harras. Berlin: Mouton de Gruyter. - 1995.- S.359-367.

Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: МГУ. - 1983 – 336 с.

Л.И. Гришаева

О ПЕРЕХОДЕ ЯЗЫКА В РЕЧЬ: КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(об актуализации предложения как коммуникативной единицы)

Одним из самых важных и интересных вопросов в науке о языке можно, пожалуй, считать вопрос о том, каким образом сис-

темные единицы трансформируются в речевые, каким образом единицы лексикона

преобразуются в коммуникативные единицы.

В когнитивных терминах соответствующие вопросы следовало бы сформулировать следующим образом: как разрозненные сведения о мире группируются так, что при общении осуществляется передача связного послания, информирующего собеседника не только о реальной ситуации, но о намерении инициатора общения, о его эмоциональном состоянии, о социальной роли, статусе, об отношении к собеседнику и т.д.? Теоретически и практически важно выяснить, в каких когнитивных структурах хранятся соответствующие сведения, каким образом осуществляется “наполнение” коммуникативной единицы перечисленными выше сведениями. Прежде всего, теоретический интерес представляет также уяснение механизмов преобразования декларативных знаний о мире в процедуральные, а также выявление сходства и различия между процедуральными и декларативными способами хранения знаний о мире.

Для ответа на сформулированные выше вопросы необходимо обратиться к изучению единицы, адекватной заявленной цели. Таковой следует признать предложение как минимальную коммуникативную единицу и, прежде всего, глагольное предложение.

Адекватной поставленной цели предложение (в другой терминологической системе — высказывание) следует признать по следующим соображениям.

Обобщенным содержанием предложения является пропозиция, то есть такая единица, в которой взаимосвязаны отдельные, разрозненные сущности; ср. формулы пропозиций: $R(x, y)$, $R(x, y, z)$, $P(x)$.

Предложение представляет собой средство номинации определенного кадра действительности. Будучи таковым, предложение представляет собой с когнитивной точки зрения единицу, адекватную, но не идентичную (!), единице процедурального хранения информации, в которой встречаются оба способа хранения знаний о мире: процедуральный и декларативный.

Предложение есть функциональное образование, и его функции: коммуникативная, номинативная, когнитивная — позво-

ляют ему быть одновременно единицей сообщения, единицей воздействия и единицей хранения знаний о мире.

Предложение обладает и формальной, и содержательной стороной; вследствие этого оно подвергается формальному и содержательному варьированию, не утрачивая при этом тождества самому себе. Это позволяет, с одной стороны, гарантировать взаимопонимание всех коммуникантов — представителей одного языкового сообщества, а с другой — адаптировать использование одного и того же вербального кода к постоянно меняющимся (дискурсивным) коммуникативным условиям и к личности коммуникантов.

Предложение можно моделировать по формальным и содержательным параметрам, что демонстрирует закономерность отмеченных особенностей предложения.

Предложение — многоаспектное образование, в котором каждый из аспектов, вычленимый по отдельности лишь искусственно, при специальном анализе, может реализовываться только симультанно со всеми остальными в едином, сложно организованном комплексе.

Предложение может быть при благоприятных коммуникативных условиях и текстом.

А именно глагольное предложение представляется адекватным для изучения интересующих нас тенденций в силу того, что финитная форма глагола транслирует в коммуникацию смыслы, существенные для процесса общения как такового. Кроме того, глагольное предложение есть первичный способ именованной какой-либо пропозиции.

Приведем примеры содержательного и формального варьирования предложения. Для экономии места обратимся к примерам на одном языке, поскольку обсуждаемые закономерности большей частью носят универсальный характер; различия касаются лишь особенностей, обусловленных системно-структурными свойствами того или иного языка.

Количественное варьирование: реальное предложение может быть “больше” или “меньше” структурного минимума, выявляемого в процессе абстрагирования от

реальных коммуникативных единиц с опорой на валентные свойства глагола как носителя валентности; предложение может быть и “равным” структурному минимуму.

Примеры: структурная модель “Sub₁ + vf + Sub₄” лежит в основе разнообразных по своей семантике реальных предложений: *Политик пишет мемуары; Мама мыла раму?; Что студент переводит со словарем?; Повар варит компот; (Папа жарит на вертеле) баранину; (Мальчик чинит лезвием) карандаш; Читай текст громче!; (Der Student beantwortet) alle Fragen des Lehrers; Die Frau betritt jeden Tag um 8 Uhr den Raum* и т.д. Семантические модели в приведенных примерах различны, однако и в этих случаях можно проследить “количественное” варьирование соответствующих коммуникативных единиц.

Темпоральное варьирование: *Мама мыла раму; Мама моет раму; Мама вымоет раму; Мама будет мыть раму.*

Модальное варьирование: *Мама моет раму; Мама вымыла бы раму; Мама хотела бы вымыть раму; Мама может вымыть раму ...*

Диатетическое варьирование: *Мама может раму — Рама моется мамой.*

Варьирование в зависимости от речевого намерения: *Мама моет раму; Мама может раму?; Что моет мама?; Мама, мой раму!*

Варьирование в зависимости от участия / неучастия в коммуникативной акте: *Я мою раму; Она (мама) моет раму; Ты можешь раму; Они моют раму.*

Варьирование в зависимости от коммуникативной значимости того или иного элемента содержания, сообщаемого соответствующей коммуникативной единицей: *Мама моет раму; Моет мама раму; Раму моет мама.*

Варьирование по параметру “утверждение / отрицание”: *Мама моет раму; мама не моет раму; Мама моет не раму (а стол).*

Варьирование по способу именованию пропозиции: финитная конструкция: *Мама моет раму*, группа существительного: *мытьё рамы (мамой)*, инфинитивный оборот: *чтобы вымыть раму*, причастный

оборот: *моющая раму мама, вымывшая раму мама*, деепричастный оборот: *моя раму* и т.д.

Таким образом, очевидно, что многоаспектному варьированию подвергается не сумма некоторых компонентов, а некоторый формальный и содержательный комплекс, починяющийся определенным специфическим закономерностям.

Заметим, что соответствующие закономерности были частично описаны в 60-е — 80-е годы различными теориями: теория моделирования предложения (его формальной и семантической структуры), синтаксическая парадигматика, синтаксические категории предложения (см. многочисленную соответствующую теоретическую литературу по названной проблематике). Добавим, что еще раньше В.Г. Адмони предложил оригинальную интерпретацию многоаспектности предложения: теорию партитурного строения предложения, согласно которой различные значения, существенные для содержания каждого предложения, наслаиваются одно на другое подобно тому, как музыканты симфонического оркестра создают музыку, играя на инструментах свои, отличные от других, партии и вступая в различное, но строго определенное время. Каждая партия — еще не музыка, и только весь комплекс партий под руководством дирижера создает музыку как таковую (Адмони 1973; Admoni 1986).

Такая интерпертация взаимодействия различных сведений, существенных для реальной коммуникативной единицы, представляется чрезвычайно продуктивной и перспективной и при когнитивно-дискурсивном подходе к изучению функционирования элементов вербального кода. В когнитивной интерпертации это означало бы, что соответствующие сведения могут храниться в различных когнитивных структурах и что эти структуры связаны между собой определенным образом. Очевидно, что некая единица, являющаяся структурным и семантическим комплексом, последовательно проходит все когнитивные структуры в том или ином порядке; и только на выходе эта единица

обретает все те характеристики, которые присуще ей как коммуникативной единице, то есть минимальной единице общения.

Прежде всего, требуется ответить на вопрос, почему формальный и содержательный комплекс обязательно проходит все когнитивные структуры и почему они “включаются” последовательно, а не попеременно. Такое предположение основывается на том, что реальные коммуникативные единицы могут варьироваться и только по одному из упомянутых выше параметров.

Учитывая логико-семантические, лексико-семантические, семантико-структурные и текстограмматические особенности, глагол интерпретируется как узел разнообразных когний¹ в многослойном, иерархически организованном лексиконе (Гришаева 1998₂; 1999). Таким образом, очевидно, что глагол, будучи единицей декларативного хранения информации, потенциально связан с элементами, входящими в единицу процедурального хранения информации.

Единицей, удовлетворяющей упомянутым выше требованиям, следует признать не модель (структурную или семантическую) предложения, поскольку модель представляет собой весьма высокий уровень абстрагирования от реальной коммуникативной единицы. Единицей, располагающейся между языковой системой и речью, можно признать лексико-структурную основу предложения, как ее понимает Б.А. Абрамов.

Лексико-структурная основа предложения, которую Б.А. Абрамов понимает как единицу, организуемую глаголом определенной семантики, единицу, в которой закономерным образом замещены все открываемые глаголом позиции (Абрамов 1972), есть собственно *номинация кадра* внеязыковой действительности, то есть номинативная база предложения. Лексико-структурную основу предложения Б.А. Абрамов сравнивает с абсолютной величиной, то есть с числом по модулю, как оно понимается в математике. Поэтому в лексико-структурной базе отсутствуют морфосинтаксические показатели грамматических (морфологических и синтаксиче-

ских) категорий, а также средства выражения коммуникативной интенции адресанта. Однако в лексико-структурной базе сохраняются тождественными будущей коммуникативной единице, во-первых, и количество актантов (то есть структурный минимум, обусловленный валентными свойствами глагола, конституирующего соответствующее предложение, как константа для любых количественных вариаций этого предложения), и, во-вторых, семантические функции актантов, также предeterminируемых глаголом как носителем валентности.

Принимая во внимание сказанное выше, можно было бы представить участие глагола в активизации связей различного рода, соединяющих единицы лексикона между собой, следующим образом, см. схему 1. В данной схеме порядок замещения терминалов ряда грамматических фреймов лексико-структурной основой до некоторой степени произволен — и не существен на данном этапе исследования — хотя и учитывает соответствующие грамматические закономерности, о которых здесь можно не рассуждать подробно. О произвольности здесь следует говорить только потому, что порядок замещения терминалов во фрейме нуждается в *специальном*, когнитивно ориентированном, проведении экспериментов с соответствующей целью. Несущественен порядок заполнения терминалов грамматических фреймов на данном этапе исследования потому, что соответствующие грамматические значения в предложении как коммуникативной единице разграничиваются только при специальном теоретическом анализе.

Последовательность расположения системных и речевой единиц: “семантическая модель — структурная модель в синтаксических функциях — структурная модель в морфологических формах — лексико-структурная база — реальная коммуникативная единица” — зависит от степени универсальности соответствующих сведений; вектор идет от общего к конкретному, от универсального к идиолингвальному.

Единицами системы являются семантическая и синтаксическая модель как моде-

ли, наименее “чувствительные” к структурным особенностям соответствующих вербальных кодов. Морфологическая реализация соответствующих моделей более конкретна, поскольку морфологические формы весьма вариативны. Лексико-структурная основа предложения максимально приближена к реальной коммуникативной единице, поскольку лексико-структурная база предложения зависит от семантико-структурных свойств глагола как носителя валентности.

Умозрительно представляется возможным интерпретировать “наращивание” лексико-структурной основы предложения смыслами, существенными для реальной коммуникации в заданных дискурсивных условиях, в определенной последовательности через последовательное замещение терминалов субфреймов грамматических фреймов лексико-структурной базой, то есть средством номинации определенного кадра внеязыковой реальности. Реальность существования последних подтверждается тем, что информация, хранящаяся в грамматических фреймах, может вызываться по отдельности; см. примеры выше. Представляется, что приращение смысла в будущей коммуникативной единице должно происходить последовательно, а не симультанно, поскольку возможно варьирование готовой коммуникативной единицы только по одному из перечисленных выше параметров, ср.: *Мама мыла раму — Раму мыла мама — Мыла мама раму* (варьируется тема-рематическая структура предложения; неизменными остаются модальность, темпоральность, позитивность, коммуникативные роли, речевое намерение, активность реального предложения как коммуникативного средства); *Я мою раму — Вы моете раму — Он моет раму* (варьируются коммуникативные роли; неизменными остаются темпоральность, модальность, активность, позитивность, тема-рематическое членение, речевое намерение) и т.д.

В силу того, что варьирование в пределах одного грамматического фрейма может иметь место на любой стадии приращения смысла в будущей коммуникативной единице, можно предположить, что

терминалы отдельных грамматических фреймов связаны между собой тем или иным способом.

Следовательно, научный смысл имеет выяснение того, в какой последовательности эти смыслы наполняют единицу хранения сведений о ситуации, прежде чем она может стать средством общения, адекватного конкретным дискурсивным условиям. Научный, теоретический и практический, резон имеет также выяснение того, как связаны между собой отдельные грамматические фреймы.

Гипотетически этот процесс можно интерпретировать следующим образом. Очевидно, что первым шагом является решение адресанта в пользу способа вербализации своего замысла: сначала для адресанта важно определиться, информирует ли он, запрашивает ли информацию или побуждает. Поэтому грамматический фрейм, в котором хранятся сведения о реализации соответствующей интенции, имеет три терминала. Не исключено, что больше, поскольку имеются веские основания полагать, что опативность может быть интерпретирована как один из противочленов грамматической категории “речевое намерение” (ср., к примеру, решение авторов Грамматики Дуден-95 (Duden-95, 596)).

Следующим этапом, как представляется, может быть замещение терминалов фрейма “утверждение — отрицание”, поскольку в некоторых языках негативное предложение не является простым слепком с позитивного.

Очередным этапом следует предположительно признать прохождение фрейма “диатеза”, так как активное и пассивное предложения имеют различную синтаксическую структуру, разное тема-рематическое строение и разные отношения с пред- и посттекстом при развертывании высказывания в текст.

Предполагается, что лексико-структурная база “проходит” сначала фрейм “диатеза” и только затем получает модальные и темпоральные смыслы, поскольку диатеза самым непосредственным образом связана с точкой отсчета при номинации соответствующего “кадра” внеязыковой действительности = ситуации.

Следующим этапом приращения смысла целесообразно видеть замещение терминалов фрейма, в котором хранятся сведения о закономерностях построения коммуникативной единицы с учетом знания о коммуникативных ролях участников внеязыковой ситуации.

Фреймы “темпоральность”, “модальность”, “актуальное членение” вершат соответствующий процесс потому, что, как свидетельствует реальная практика и теоретические исследования, соответствующие позитивный и негативные варианты имеют и активное, и пассивное предложения.

Обобщим высказанные предположения в схеме.

Условные обозначения в схеме: 1 — терминалы категории коммуникативного намерения (утверждение, вопрос, побуждение); 2 — терминалы положительного / отрицательного высказывания; 3 — терминалы диатезы (актив — пассив с разведением на процессуальный и статальный); 4 — терминалы категории коммуникативных ролей (коммуниканты — некоммуниканты по одному или несколько); 5 — терминалы категории темпоральности (темпус + иные средства выражения темпоральности) (противочлены для выражения отношения будущее — настоящее — прошедшее, которые, в свою очередь с учетом аспектуальности могут подразделяться на *n*-ое количество противочленов); 6 — терминалы категории модальности (модус + иные средства выражения модальности) (противочлены для выражения модуса реальности и модуса нереальности и дальнейшим их членением с учетом и субъективной модальности); 7 — терминалы категории тема-рематического членения с их вариантами.

Чтобы не загромождать схему, в ней не отражены вероятные, очевидно, реально наличествующие, связи между терминалами различных фреймов, в которых хранятся знания о структуре соответствующего языка. В схеме принимается во внимание только первичный способ именовании пропозиции. При именовании той же пропозиции вторичными средствами ее вербализации процесс будет, бесспорно, ослож-

няться тем, что адресант должен будет решать, какой способ вербализации пропозиции является максимально адекватным дискурсивным условиям.

В схеме, естественно, не отображены связи между отдельными лексико-структурными базами, поскольку в этом случае следовало бы вести речь о порождении в данных дискурсивных условиях текста как конечного продукта речемыслительной деятельности.

Схема моделирует прямые речевые акты, через которые адресант осуществляет свою интенцию; косвенные речевые акты сознательно исключаются из рассмотрения в данном контексте.

Таким образом, описанный процесс замещения фреймов, в которых хранятся знания о системе и структуре языка, развивает идею Б.А. Абрамова о том, что лексико-структурная основа предложения суть единица, располагающаяся между системой языка и речью, между потенцией и ее реализацией. Следовательно, изложенные соображения можно толковать в пользу того, что в процессе трансформирования системы в речь глагол, интерпретируемый как узел разнородных когний, также выполняет существенные функции (см. схему 1).

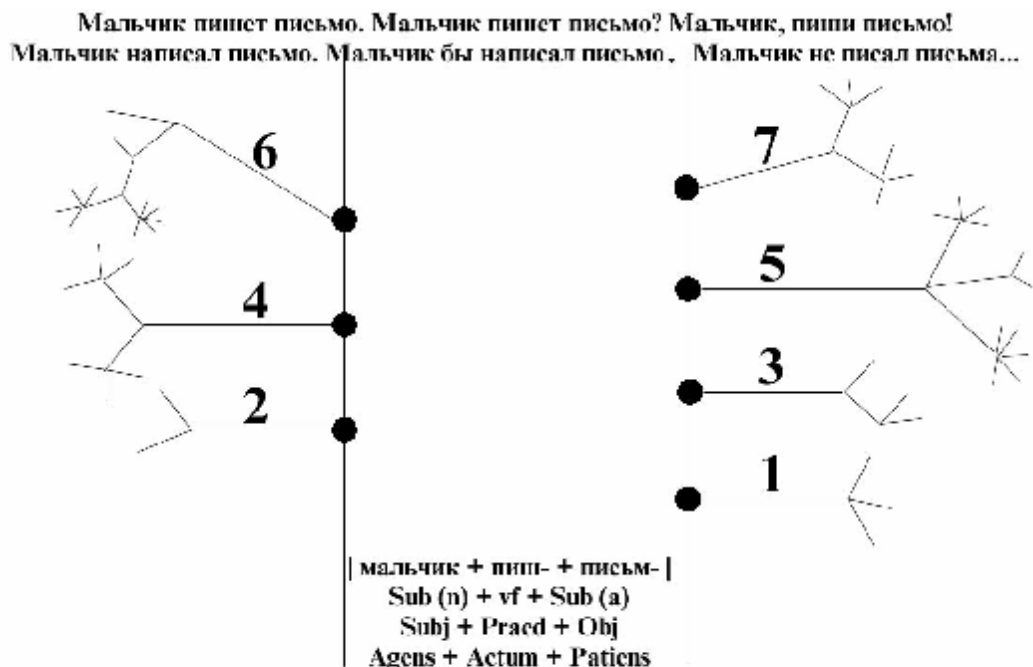

Схема 1. Модель замещения терминалов грамматических фреймов лексико-структурной основой предложения.

Акцентируем еще раз, что, естественно, в схеме 1 не учитываются все возможные комбинации соответствующих значений, релевантных для реальной коммуникативной (синтаксической) единицы, а также оппозитивные отношения между противочленами соответствующих грамматических категорий. Не отражены в ней ни идиолингвальная специфика, ни обоснование порядка замещения терминалов грамматических фреймов по двум причинам. Во-первых, предлагаемая модель умозрительна; поэтому она нуждается в серьезной экспериментальной проверке, прежде всего, методами когнитивной психологии и психолингвистическими экспериментами. Специального изучения требует определение того, на какой стадии включается тот или иной механизм, а также исследование того, насколько осознанно говорящий вмешивается в соответствующий механизм активизации тех или иных когнийций.

Во-вторых, предлагаемая трактовка основывается на теории моделирования предложения и синтаксической парадигматики, результаты которых в лингвистике общеизвестны с 60-70-х годов, на представлении о многоаспектности предложения², а также на теориях порождения речи (ср. описание механизмов порождения высказывания, например, в работе (Кубрякова 1991₁, 76 и сл., схему на с. 78)). Кроме

того, предлагаемая трактовка учитывает изложенные выше результаты проведенного изучения функционирования глаголов поведения в дискурсах различного типа (Гришаева 1999).

Целесообразность предлагаемого подхода обусловлена тем, что в последнее время исследователи постулируют наличие определенных ментальных образований, которые находятся между универсальным предметным кодом, как его понимает Н.И. Жинкин (Жинкин 1982), и речью. Так, Т.А. Фесенко предлагает говорить о языке ментальных пространств как о таких образованиях (Фесенко 1999, 1999₁).

Подводя итоги рассуждениям, следует сказать, что умозрительная модель нуждается в двух, по крайней мере, типах верификации: во-первых, можно было бы создать компьютерную модель соответствующих представлений и проверить, насколько адекватной реальности является предложенная модель. Во-вторых, следует разработать серию когнитивных экспериментов, которые помогли бы проверить объяснительную силу описанной выше модели.

¹ Термин «когниция» используется здесь в смысле «результат познания».

² Ср., к примеру, теорию «партиктурного строения предложения» В.Г. Адмони.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Б.А. Типология элементарного предложения в современном немецком языке. — М.: МГПИИЯ им. М.Тореза. — 104 с.

Абрамов Б.А. О структурном аспекте предложения. // Вопросы романо-германской филологии. Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. — М.: МГПИИЯ. — Вып. 91. — С. 93-101.

Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. — Л.: Наука. — 324 с.

Гришаева Л.И. Реализация/нереализация валентных свойств глаголов как один из механизмов вербализации внеязыковой действительности (на материале русских и немецких глаголов антропосферы). — Воронеж, Воронеж. гос. университет. — Рук. деп. в ИНИОН РАН от 30 ноября 1998 г., № 54075. — 115 с.

Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. — Воронеж: ВГУ, 1998₁. — 272 с.

Гришаева Л.И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких глаголов

поведения). — Диссер.... докт. филол. наук. — Воронеж, 1999. — 450 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. — М.: Наука. — 158 с.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира. // Серебренников Б.А. и др. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.. — С. 141-172.

Кубрякова Е.С. Лексикон и современные проблемы его изучения. // Картина мира: Лексикон и текст (на материале английского языка). — Сб. науч. трудов МГЛУ. — Вып. 375. — Отв. ред. З.В.Семерикова. — М.: МГЛУ. — С.4-11.

Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. — М.: Наука. — 240 с.

Фесенко Т.А. Языковое сознание в интраэтнической среде. — Тамбов: ТГУ. — 148 с.

Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. — Автореферат доктора филологических наук. — Москва, 1999. — 46 с. Admoni V.G. Der deutsche Sprachbau. — М.: Просвещение, 1986. — 335 с.

Duden. Die Grammatik. — Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus, — 864 S.

А.П. Бабушкин

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК “ОКНО” В ИНЫЕ МИРЫ

Сослагательное наклонение представляет действие, выраженное глаголом, не как реальное, а как желаемое, предполагаемое, возможное (или невозможное), которое могло бы произойти при выполнении определенных условий: *Вы бы многое знали, если бы читали газеты; Если бы у меня были деньги, я бы купил эту книгу.* Наиболее распространенная форма объективизации сослагательного (или условного) наклонения в русском языке — глагол на “л” в сочетании с частицей “бы”. Вместе с тем, сослагательное наклонение глагола — явление, свойственное многим языкам и, как свидетельствует литература, возможно выстроить типологию языков

мира в зависимости от того, имеется ли в них подобная категория, и, если да, то какими средствами обеспечивается ее реализация. Так, например, в русском языке, как отмечалось выше, имеется единственный способ выражения сослагательного наклонения, не имеющий временного плана, тогда как в английском — наблюдается разграничение аналитических форм условных предложений, одна из которых соотносится с настоящим и будущим, а другая — с прошедшим временем.

Нельзя сказать, что условные предложения являлись предметом особого внимания лингвистов с точки зрения несомой ими семантики. За последнее десятилетие